

этой «предпринимательской» деятельности на базе «государственных» возможностей.

Допустим все-таки, что отдельные представители этой прослойки расширяли сферу своей сугубо частной предпринимательской деятельности, постепенно перерождаясь в «предпринимателей», подобно тому как богатели феодалы-иммунисты, постепенно присваивая себе государственные имущества и доходы с них. Типичным представителем этих кругов М. Я. Сюзюмов считает Алексея Апокавка, который разбогател, «будучи управляющим солеварнями»¹⁰⁷. Но в этом «предпринимательстве» не было ничего нового. Солеварни оставались государственными¹⁰⁸, и он наживался на их управлении точно так же, как десятки его предшественников в предыдущие столетия. Нет никаких сведений ни о каком-либо изменении его положения в качестве управляющего, ни о переменах в методах эксплуатации солеварен, ни о каком-нибудь особом новом характере его частнопредпринимательской деятельности. Главным было положение Апокавка в управлении.

О росте предпринимательства «городской знати» в XIV в. трудно говорить хотя бы потому, что с явным упадком византийского ремесла и торговли возможности для этого сужались, а не расширялись.

Нельзя найти и бесспорных косвенных доказательств существования активизирующейся предпринимательской прослойки в византийском городе при изучении уровня социально-политических воззрений XIV столетия. Остается далеко еще не ясным содержание понятия «богатый» (πλούσιος) в политической литературе той эпохи: подразумевали ли под этим термином не только феодальную аристократию, но и другие, неаристократические круги и именно их в первую очередь, в отличие от феодальной аристократии. Во всяком случае, прямая трактовка «богатых» «Диалога» Макремволита¹⁰⁹ как «предпринимателей», а «бедных» как тех «прослойки ремесленных низов, наемных работников и строительных рабочих, которые эксплуатировались предпринимателями» (курсив наш.— Г. К., В. Р.)¹¹⁰, вызывает некоторые сомнения. Трактат свидетельствует, несомненно, об обострении социальных и классовых противоречий. Но нам представляется бесспорным также и его традиционно-христианское определение «богатых» и «бедных», которое можно найти еще у Златоуста и других отцов церкви и которое, к сожалению, не дает достаточных оснований для столь резких дефиниций.

Точно так же вызывает сильные сомнения вывод о наличии существенно новых элементов в идеологии «предпринимательских кругов». М. Я. Сюзюмов считает, что «не может быть никаких сомнений в характеристике политических идеалов этой прослойки. Она стремилась к централизованной монархии»¹¹¹. Для нее были характерны симпатии к централизованному государству, «превознесение античной греческой культуры и греко-римского права и гуманизм»¹¹². Но ограниченное возрастание интереса к античности (но не к античной демократии, ее политическим идеалам и т. д.)¹¹³, усиление элементов средневекового христианского гуманизма вообще характерно для периода развитого феодализма и в оп-

¹⁰⁷ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 14.

¹⁰⁸ Cantac., I, p. 25: τῶν δημοσίων γὰρ ἄλων τότε τὴν διαίθεσιν ἐποιεῖτο ...».

¹⁰⁹ I. Sevcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» — ЗРВИ, № 6, 1960, стр. 187—228.

¹¹⁰ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 26—27.

¹¹¹ Там же, стр. 30—31.

¹¹² Там же, стр. 32.

¹¹³ Jean Verpeaux. Nicephore Choumnos. Homme d'État et humaniste byzantin (ca 1250—1327). Paris, 1959, p. 189—197